

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

ЛИЛИЯ

ПАРАДОКСЫ ЛИЧНОСТИ И СУДЬБЫ

«...женщины с таким именем чаще всего симпатичны и хрупки. Они кажутся спокойными и непритязательными, но на самом деле в них полно упрямства и неуправляемости».

Из Интернета

Все знали ее, как Лилию Толмачеву, хотя настоящее ее имя – Лидия; Лилия – псевдоним. Но редко бывает, чтобы псевдоним был выбран так точно и так соответствовал человеку. Она не звалась, но *была* Лилией – нежная и стойкая, ни на кого не похожая, ни с кем не сравнимая.

Аристократичная, утонченная актриса в самом демократичном театре страны, преданная ему до конца.

Творческий человек, актриса и режиссер, владевшая словом, знавшая себе цену – но без явных амбиций, толкающих к агрессии, к борьбе за свое и себя. (Если они и были, то скрытые – достоинство им мешало). К режиссуре ее понуждали. Писать она так и не стала. От съемок в кино отказывалась – из-за той же преданности театру.

При всем этом – отнюдь не ангел, трудная в работе и жизни, для себя и других, со своими особыми правилами, нечасто встречающимися в театре.

Это сочетание силы и слабости (силы внутренней, слабости внешней), и странные сейчас правила, и самый стиль жизни – от природы ее, конечно, но и от времени, и от театра.

Саратовская девочка, кончившая школу-студию МХАТ, поработавшая пару лет в Саратовском ТЮЗе (Джюльетта, Маша Прозорова...),

Л. Толмачева

затем вернулась в Москву и сразу, без разгона, взяла редкую высоту: в Театре им. Моссовета сыграла Нину в «Маскараде» – с Мордвиновым; готовила роль Корделии. И вдруг, бесповоротно и безоглядно, ушла в неизвестность – в компанию молодежи, затевавшую свое театральное дело. Оно могло и не состояться – новые театры «снизу», по воле артистов, давно уж не создавались. Но им повезло с временем – начало «оттепели», середина 1950-х; с лидером, каков был Олег Ефремов; с поддержкой мхатовцев, чьим детищем была эта компания (почти все – из Школы-студии, да еще и с исконными, изначальными, но позабытыми, стершимися мхатовскими заветами, которые они брались возродить).

Главное же: они – такие, как есть – были тогда необходимы; сам воздух времени, как говорится, работал на них. А дальше – известная история: Студия молодых актеров, переросшая в Театр «Современник», со своей премьерой розовских «Вечно живых», общинно-семейной структурой, молодой жизнерадостной труппой – и примадонной, какой была на первых порах Толмачева, хотя ни слова, ни понятия такого у них не существовало.

У тех, кто родился позже и тех театральных лет не застал; для кого эта история «Современника» – еще одна театральная легенда, могут возникнуть вопросы: почему Толмачева прервала путь своего восхождения, триумфальную, быть может, карьеру? Что побудило ее так круто развернуться к небезопасной, поисковой студийности? Делать все наравне со всеми, играть порой то, что не вполне в ее духе и стиле – и не играть желанного, предписанного ей природой? И тогда, когда первый период «Современника» завершится, не уйти с Ефремовым во МХАТ, где ее, вероятно, ждало немало сюрпризов?

Не оставив нам мемуаров, она отвечала на это в своих интервью.

О раннем «Современнике» и его «кредо»:

«Всех нас, и в первую очередь Ефремова, буквально завораживала возможность через «Вечно живых» сказать о том, что по-настоящему болит. Что есть добро и что – зло? Как мы живем и как будем жить? Как жить, оставаясь человеком в любой ситуации, не предавая себя, своих убеждений? Простые вопросы – они были заданы в пьесе Розова без лукавства,

Ирина.
«Вечно живые»

Агния.
«Традиционный сбор»

без игры в многозначительности – оказались самыми важными, жизненно необходимыми, как потом оказалось, не только для нас»¹.

Эти «простые вопросы», сегодня звучащие наивно, тогда, в пору возвращения к человечности, к азам «правды и совести»², были необходимы, как хлеб насущный, составляя нравственный кодекс «Современника», добровольно принятый труппой.

¹ Курсивом даны высказывания Л. Толмачевой, приведенные в книгах: Московский театр «Современник», М., 2000; Московский театр «Современник». 50 лет. М., 2006

² «Театр правды и совести», «театр мысли и страсти» – формулы раннего «Современника»

Прощания

Как всякий кодекс, он был категоричен и в чем-то жесток. «Умение пожертвовать собственным интересом» входило в него безусловно. «Каждый из нас был так воспитан: болен – все равно, играй; не хочешь эту роль – а играть надо; хочешь сниматься в кино – не пойдешь, так нужно театру... Я участвовала везде; это было исполнение долга, нужное для театра». Однако долга особого, связанного с ощущением счастья – «счастья сотворчества; счастья партнерства».

Многое для нее не случилось. «Большая русская литература прошла мимо меня. Не играла я ни Шекспира, ни Шиллера». Это могло стать упреком в адрес судьбы и театра (хотя первое – насчет русской литературы – неточно), но звучит, как констатация факта: так было; так надо было – к тому же, классике нашлась замена. Главные ее роли сыграны в современной драматургии.

«Для нас Шекспиром был Розов; Володин был Чеховым. Было счастье играть эти пьесы; они очень искренние, в них есть житейская наблюдательность и нравственное, необходимое людям начало».

И она играла розовские роли: докторшу Ирину с ее безлюбивой жизнью в «Вечно живых», обаятельную хищницу Леночку в «Поисках радости», честолюбивую Агнию в «Традиционном сборе», упустившую свое счастье. Играла володинскую «старшую сестру» Надю и почти затвердевшую от монотонного своего бытия Тамару в «Пяти вечерах». Разные роли; разные люди и судьбы, но тема вырисовывается одна: любовь во всевозможных ее житейских поворотах и превращениях. Тоска

по любви – в Ирине. Любовь как оружие в умелых руках Леночки (любовь к ней – у порабощенного мужа). Неумирающая, несдающаяся любовь у закоснелой, казалось бы, карьеристки Агнии, потоком слез излившаяся в финале. Любовь как дар Божий, сохраненный в душе Тамары. И такой же дар Божий – любовь не к человеку, к театру, мощный голос призвания – у Нади.

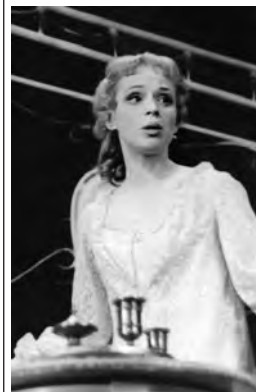
Вечно женственное начало, присущее Лилии от природы, придавало объем современным ее героиням, позволяло ей не бояться острых углов и резких акцентов. Мягкая женственность Ирины вносила в спектакль мысль о несправедливости судьбы в той же мере, как и прелесть Леночки, обезоруживающая мужчин: к первой судьба была жестока, ко второй – слишком добра. Потенциал классической актрисы, таившийся в Лилии до поры, тоже работал на этот объем, укрупнял образы, возводил их от сиюминутности, повседневности (угрозы юного «Современника») к чему-то большему, не лишая «житейской наблюдательности».

Когда же пора пришла, она сыграла Елизавету в «Обыкновенной истории», светлое создание, из которого, словами из чеховской пьесы, «выходят каждый день по капле и силы, и молодость». Сыграла гибель души в иссушающем воздухе прагматизма вокруг нее, в семье, рядом с ней.

Вскоре окажется, что и этот вызов торжеству практицизма – одна из ее тем, исполненная в разных тональностях. Драматично и скорбно – в «Обыкновенной истории». И безжалостно, с победительным артистизмом – в «Чайке», где ей довелось быть Аркадиной.

Леночка.
«В поисках радости»

Елизавета.
«Обыкновенная история»

Тамара.
«Пять вечеров»

Первой ефремовской «Чайке», которую невзлюбили за невеселый комизм, сухую насмешку над несостоятельностью героев, раздражавших режиссера в ту пору. Потом, уже во МХАТе, он сменит гнев на милость, поставит другую «Чайку», полную мудрости и красоты. И Толмачевой нашлось бы здесь место, и возможность иного взгляда на героиню – если бы она сдалась настояниям Ефремова и последовала за ним.

Этого не случилось. Что-то, более сильное, чем голос призвания, удержало ее.

«Для меня уйти во МХАТ было все равно, что бросить родной дом, изменить, предать».

Такая простая позиция, женская более, чем актерская, не ждущая награды и благодарности. В духе раннего «Современника» с его неколебимой моралью.

*Но я другому отдана;
И буду век ему верна.*

На этом, разумеется, ее театральная судьба не прервется.

Внеэврейдетрежиссура – «Фантазии Фарятьева», «Вдова Капет» в «Современнике», «Все кончено» во МХАТе – в драматургии столь разного свойства, но неизменно психологическая, все – для актера и через актера, и столь личная, столь близкая ей по нравственному посылу. Запомнилось – после «Вдовы Капет», о судьбе Марии-Антуанетты: *«Зачем убивать, если можно не убивать?»*. Так просто, по-женски, по-толмачевски.

Режиссерская линия не продолжилась; актерская – не прерывалась, хотя истончилась. Было много разных ролей, не все в ее духе и стиле (раньше говорили – «не в ее средствах»), как, например,

чеховская Шарлотта; другие – точно угаданные и новые как для нее самой, так и для театра (как, скажем, работа с Анджеем Вайдой в спектакле «Как брат брату»); было немало попросту *«нужных для театра»*. Но почти в конце ряда – как итог пути – трагедийная роль Милды в «Крутом маршруте», спектакле Волчек, ставшем новым символом «Современника». Снова – *«счастье сотворчества, счастье партнерства»* в своей семье, своем театральном доме. Концы и начала сходились; «Современник» оставался собой; выбор Лилии был оправдан.

Лилия Толмачева
на репетиции